

№ 090
5516

ПАМЯТНИКИ
АРХИТЕКТУРЫ
ИРГИЗСТАНА

Л А З А Р
М А Н А С А

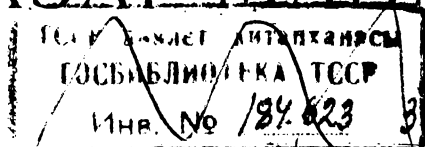
УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ АРХИТЕКТУРЫ
ПРИ СНК КИРГ ССР
ОТДЕЛ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ

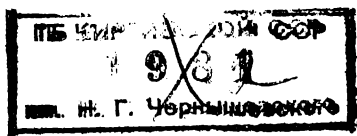
ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ
КИРГИЗСТАНА
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

С
Е

МАЗАР МАНАСА

Составил А. Н. БЕРНШТАМ

Бронзе

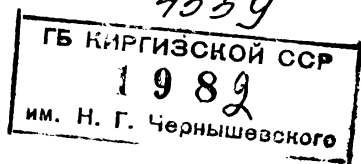
КИРГОСИЗДАТ

1946

ИРБИС

„Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры прошлого, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру,—без такого понимания нам этой задачи не разрешить“.

В. И. ЛЕНИН.

Ответственный редактор К. Юдахин.

Сдано в набор 18.II-45 г. Подписано к печати 9.II-46 г. В печатном листе 30145 знаков. Всего 0,75 печ. листа. 0,5 учетно-издательских листов. Д—00411. Зак. 2727. Тираж 2190.

Фрунзе, типолитография № 1

I

Вдали от древних оживленных торговых путей, по трассе которых ныне прошла туркестано-сибирская железная дорога, за ущельем Большая Капка, к югу от города Джамбула, в глубине Таласской долины, среди гор на р. Кенкол (правый приток р. Талас), на землях с/с Долоно стоит небольшое купольное здание, широко известное среди киргизского народа как „кумбез Манаса“ „мазар Манаса“, т. е. мавзолеей, где хранятся останки народного героя, воспетого в эпосе „Манас“.

Народная молва связала эту небольшую постройку, как и многие памятники прошлого Тянь-Шаня, с именем своего эпического героя. Нет в Тянь-Шане, тем более в Таласской долине, мест примечательных, сделанных рукою человека или силою природы, чтобы народ не связал их с действиями своего излюбленного героя или его славных сподвижников „кырк чоро“, т.е. сорока богатырей. Тем более богата такими воспоминаниями Таласская долина, где был некогда стан легендарного Манаса, где накапливались силы, чтобы отомстить врагам киргизского народа, где родился продолжатель дела Манаса—его сын Семетей. Каждая скала и горная речка, каждый курган и каждая постройка овеяны славой предков киргизов. И это не случайно, ибо Талас—одно из древнейших мест обитания киргизов,

одна из твердынь их борьбы за независимость; первая область Тянь-Шаня, куда они пришли ещё в I в. до н. э., т. е. более 2000 лет тому назад.

II

Что представляет собой кумбез Манаса?

Кумбез Манаса — порталый мавзолей с почти кубическим основанием и стрельчатым куполом, с порталом, покрытым резной терракотой и с стрельчатой аркой входной ниши. Высокий портал закрывает купол с фасада. Мавзолей сложен из обожженного кирпича размером $23 \times 23 \times 5,5$ см. Длина сторон основания $6,80 \times 7,16$ м. Общая высота 7 м. На наружных углах порталой стенки помещены трехчетвертные колонны. Переход от кубического основания к несохранившемуся внешнему куполу осуществлен при помощи многоугольного барабана. Внутренний купол, выложенный кольцевой кладкой, поддерживается восьмигранником на четырех тропках, украшенных сталактитами. В западной и восточной стенах имеются глубокие наружные ниши со стрельчатой аркой; в щипцовых стенах помещаются окна. Оконные проемы перекрыты также стрельчатыми арочками.

В центре портала помещается высокая стрельчатая арка, пяты которой как бы опираются на небольшие угловые трехчетвертные колонны.

Весь портал облицован неполивными терракотовыми плитками, скомпонованными в три основных орнаментальных пояса. Последние образуют параллельные прямоугольные рамки, окружающие входную нишу в виде русской буквы П.

Треугольники тимпанов¹ в верхней части за-

---

1. Тимпаном здесь названы треугольники над аркой, обрамленные общим контуром прямоугольника.

няты плитами, основная плоскость которых заполнена резьбой простым рисунком в виде шахматного поля, из которого рельефно выступают ободки двойных медальонов в виде восьмидольной розетки, по две с каждой стороны арки. Внутреннее поле медальонов с резьбой, расположенной в одной плоскости с шахматным фоном плиток, представляет крестовидную виньетку с сильно стилизованным растительным орнаментом. Основной рисунок нижних углов тимпана образует резные плитки с кругом, в который помещена виноградная лоза с гроздьями и листьями. В оставшееся незаполненное место вставлены фрагменты плиток с шахматной резьбой и с стилизованным растительным орнаментом.

По внешнему обводу стрельчатой арки, сложенной из одного ряда кирпича и вниз, вдоль колонок ниши (теперь здесь уже ничего не сохранилось), идет узкая плетеная полоса.

Первый орнаментальный пояс, окружающий входную нишу с тимпаном, состоит из широкой ленты плиток с арабской надписью, выполненной почерком „наسخ“ на фоне крупного растительного же орнамента и обрамленной полосками растительного орнамента. Так же как и фон надписи, растительный орнамент обрамляющих ее полос выполнен в довольно реалистической трактовке.

Второй пояс, такой же ширины как и первый, состоит из расположенной в центре ленты с одним неразборчивым словом, выполненным в стиле цветущего куфи на растительном фоне. Эта лента обрамлена узкими полосками шахматного рисунка.

Третий—последний пояс, примыкающий к угловой колонне, состоит из двух лент, одной узкой с стилизованным растительным орнаментом (сердцевидный лист) и второй—пошире с геометрическим плетением. Вверху, в этой полосе, вместо плиток

с плетением, помещены плитки с таким же орнаментом, как в медальонах тимпана. Горизонтальная полоса, являвшаяся продолжением этого пояса верхней части портала, к сожалению, не сохранившаяся теперь, состояла по всей вероятности из такого же орнамента.

Сохранившаяся облицовка угловых колонн состоит из чередующихся поясков—уже знакомого шахматного рисунка, восьмиконечных звезд с розеткой в центре и второго варианта шахматного поля более крупного рисунка.

Щипцовая стена порталной ниши облицована плитками с виноградными гроздьями—такими же как в нижних углах тимпана. Щеки ниши окаймлены узкими лентами растительного орнамента (сердцевидный лист), и облицованы плитками с восьмиконечными звездами с растительными виньетками в центре. Трехчетвертные колонки на наружных углах порталной ниши покрыты облицовкой с орнаментом геометрического плетения такого же рисунка как на вертикальных полосах крайнего орнаментального пояса портала. Только вверху, под вазообразными капителями и внизу, над двойной квадратной базой, помещены орнаментальные пояски с растительным орнаментом. Вазообразные капители, несколько вытянутые снизу вверх, покрыты мелкой резьбой сильно стилизованного растительного орнамента. От базы колонн уцелела только верхняя часть под левой колонной. Она представляет собой сдвоенные квадратные плитки, вертикальные грани которых покрыты линейным рисунком.

Внутри мавзолея пол был засыпан землей. По имеющимся у нас сведениям, мавзолей уже неоднократно раскапывался. Зачистка мавзолея была предпринята с целью выяснить характер захоронения. При зачистке оказалось, что в грунте все перерыто

и разрушено. Вначале был вскрыт пол, состоящий из хворостяной плетенки на балках, обмазанных глиной. Под полом оказались 4 пустых деревянных гроба, ориентированных с севера на юг. Под этими гробами расположены основные погребения мавзолея. Правое, восточное, было сплошь разграблено и разрушено. Оно представляет собой прямоугольную яму, вытянутую с севера на юг, размером примерно $0,90 \times 0,60 \times 2,00$ м. Могильная яма покрыта стрельчатым сводом из обожженного кирпича того же размера, что и кирпич в стенах мавзолея. Яма оказалась пустая, засыпанная землей и мусором¹. Эту могилу отделяла от другой лессовая перемычка, оставшаяся при изготовлении другой могильной ямы, также ориентированной с севера на юг, но под небольшим углом по отношению к первому погребению. Вторая могила была перекрыта сырцовыми кирпичами, с промазанными глиной швами. Погребение было ограблено и содержало костяк мужчины средних лет. Вещей около костяка не оказалось.

Судя по надписи на портале, мавзолей выстроен в память некой „Кенизек хатун“, дочери „эмира Абука“. Надпись следующая:

„(Это величественная гробница) добродетельной, целомудренной (буквально закрытой), скромной (букв. покрытой покрывалом) идеала счастливых жен (женщин), зачинательница богоугодных дел, четвертой (опоры?) (эпохи) славнейших из жен Кенизек хатун, дочери Эмира превосходного, почитаемого, уважаемого источника щедрости и милости, победителя пером и мечом, эмира Абука и да сделает рай их местопребыванием и было это в начале месяца Рамазана, а он является месяцем аллаха благословенного в году четвертом... ..¹.“

---

1) — Перевод А. М. Беленицкого.

Из надписи видно, что отец умер позже своей дочери, и ей принадлежит могила с полуциркульным сводом из обожженного кирпича. Ее могила была сознательно сдвинута в восточную сторону мавзолея вероятно для того, чтобы оставить место ее отцу. Вторую могилу считают принадлежащей ее отцу эмиру Абуке. Небольшая разница в ориентировке вызвана, по нашему мнению, разным временем захоронения. В первом случае определение север-юг больше соответствует истине, вероятно потому, что захоронено было в летние месяцы, тогда восход солнца дает большую точность для определения стран света, во втором—зимой, когда более юго-восточный восход солнца заставил несколько сдвинуть ориентировку могильной ямы.

Как показали результаты раскопок, мавзолеев, в том виде, как он дошел до нас, не имеет никакого отношения к имени киргизского народного эпического героя Манаса, с которым связывается этот мазар, а является надгробным сооружением отца и дочери, точная дата жизни и смерти которых осталась нам пока неизвестной. В надписи она была указана, но плитка в этом месте выбита и утеряна.

Характерными особенностями „кумбеза Манаса“ являются:

1) Центрический в основе план с куполом и аркой портала стрельчатого профиля, 2) неполивная резная терракота, 3) преобладание растительного мотива в орнаменте, 4) арабская вязь почерком „наسخ“ по растительному фону и „цветущее“ куфи.

III.

В мазаре Манаса характерен один прием—постепенный отрыв декора от тела здания. Если в памятниках среднеазиатской архитектуры X века украшения—фигурная кладка кирпича, часто сдвоен-

ного (Бабаджи Хатун), в XI веке—фигурная кладка кирпича (Бурана, Рабат-и-Малик), образующего торцевой стороной законченный орнамент, в XII веке плоскость украшается неполивным изразцом, имеющим перевязи с телом здания с помощью раствора и специальных клиньев на тыльной стороне изразца (Айше Биби), то в более поздних памятниках изразец—просто плитка, держащаяся на теле здания только с помощью раствора. Этот последний прием и применен в „кумбазе Манаса“.

Второе характерное явление—сюжет орнамента. Здесь господствует растительный рисунок—цветы, стебли, листья, арабская вязь на растительном фоне и „цветущее“ куфи. Все это элементы более поздней эпохи, чем караханидская.

Когда же мог появиться этот памятник?

Исключая XIII век, век разгрома культуры на Таласе, мы только с XIV века наблюдаем условия, которые могли бы способствовать появлению подобного сооружения при чагатаидах¹ или при Тимуре². Укрепляя идеологически тыл и предполагаемую дорогу для похода на Китай, Тимур культивировал и поощрял сооружение культовых построек на окраинах своих владений—этими причинами была вызвана к жизни, например, постройка мечети Ходжа Ахмеда Яссавийского (г. Туркестан, Каз. ССР), быть может этим же вызвано строительство таких мусульманских форпостов, как описываемый мавзолей. Построенный в стране, где были живы еще потребности и вкусы кочевников, где неполиваная резная терракота и стрельчатая конструкция перекрытия были более доходчивыми и создался памятник, воскрешающий стиль XII века. Однако, в нем сказалась и победа расти-

1)—Потомки сына Чингизхана Чагатай, правившие в Тянь-Шане.

2)—Известный правитель Средней Азии, царствовал во 2-ой половине XIV века.

тельного сюжета над геометрическим и местами провинциальное, подчас неумелое изготовление и пользование облицовочными плитками. Это достаточно ясно заметно, например, на щеках арочной ниши портала. Как бы ни был похож внешне этот памятник на архитектуру караханидской эпохи (XI — XII вв.), все же он является лишь ее реминисценцией, копией, далеко несовершенной и по технике изготовления и по орнаментальным сюжетам. Но это не умаляет ни в коей мере значения памятника. / Такого типа реликты в средневековьи не столь частое явление; и место, где стоит памятник—страна кочевников, наглядно говорит о том, как долго они сохранили в Семиречьи более архаичные черты социального строя и культуры по сравнению с прогрессирующим Мавераннахром. Высказанные предположения заставляют нас остановиться на датировке этого памятника второй половиной XIV в.

¶ Проф. Массон считает возможным относить его к 30 годам XIV века, что весьма вероятно.

IV

Таков „кумбез Манаса“, такова история этого небольшого сооружения.

Почему возникла здесь эта постройка?

Талас был издавна обитаем человеком, а в середине I-го тысячелетия н. э. это была густо заселенная долина, где наряду со скотоводством широко было развито и земледелие. / Вверх по Таласу протянулась цепь оседлых поселений, политическим центром которых был город Тараз (ныне Джамбул). За горами Ичкелетау, к югу от ущелья Большая Капка, был город Шельджи (ныне развалины Садыр-курган у с. Кировск), в районе с. Водное—г. Сусы (развалины „Чалдыгар“, у селения Орловка—г. Куль (развалины „Джаман Курган“), а около областного

центра Талас, на правом берегу р. Талас—г. Текабкет (развалины „Ак-Тюбе“). Города были обнесены стенами; около них располагались караван-сарай и крепости, часть которых в развалинах отмечены не только по р. Талас, но по его притокам—р.р. Ур-Марал, Кумуштак и др. Около земледельцев жили и кочевники, тоже обносившие свои ставки стенами, например, у Текабкета, к северу от него, сохранились развалины Кулансай—такой ставки кочевников. О большой заселенности долины говорят и древние могилы, прежде всего курганы, восходящие еще ко II тысячелетию до н. э. Много курганов I тысячелетия до н. э. и начала н. э.—саков, усуней, гуннов и других народов, особенно в ущелье Ова, Текскул и по Кенколу. Кочевники заселяли, главным образом, верхнюю часть Таласской долины, ныне районы Таласский, Буденновский и дальше к Сусамыру. Это они, видимо, оставили рисунки и надписи в ущелье Чиимташ, надгробные надписи на больших камнях около ущелья Беш Агач, в местечке Айрита́м. Как бы отгораживаясь от кочевников, занимавших восточную часть долины, приютился воздвигнутый в середине XIV века мавзолей одного из местных владетелей, опиравшегося в своей власти не только на денежные сокровища, в большом количестве обнаруживаемые в виде кладов монет по Таласской долине (напр. у с. Ивановки Таласского района), но и на поддержку ислама, свидетельством чего и является мавзолей, о котором выше было рассказано. Он был построен тогда, когда здесь уже господствовала стихия кочевников Могулистана (так называлось государство в Тянь-Шане в XIII-XVI в.в.) потомков Чингиза и его сыновей, в частности Джата́й. Он был построен накануне той эпохи, когда сюда направил свои походы всемогущий Тимур, пытавшийся и на Таласе (в частности в г. Шельджи) построить

опорные базы перед походом в Китай. „Мазар Манаса“ является свидетельством культуры кочевников того времени, когда в недрах Могулистана поднимались на борьбу за независимость киргизские племена, лишь в начале XVI века, т. е. почти через 150 лет, заявившие о своей власти на Тянь-Шане, в том числе и на Таласе.

И забыв истинные причины, вызвавшие к жизни эту постройку, киргизы связали ее, да и все остатки прошлого на Таласе (как и во всей Киргизии), с легендарным Манасом, как символом прошлого и эмблемой борьбы за независимость.

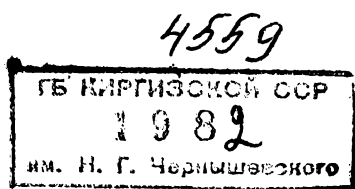
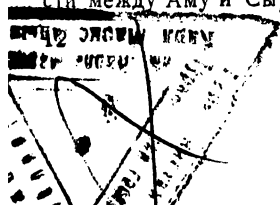
Разве Кулансай не воспринимается киргизами, как место, где Манас держал жеребят от своего тулпара? Разве о колонне в Шакерском городище за с. Грозным не рассказывают, что эта коновязь Манаса? Разве небольшая гора, у которой стоит мавзолей, это не его сторожевая вышка „Манас Супа“?

По эпосу, кумбез Манаса—памятник, а не усыпальница, ибо во избежание осквернения останков богатыря, он был спрятан среди никому неизвестных скал, там же положены и его сокровища. Его верная подруга Каныкей, чтобы изготовить памятник Манасу, призвала мастеров Бухары и Самарканда, и эпос здесь прав, ибо в мастерстве этого сооружения чувствуется опытная рука зодчего Мавераннахра(*).

Кумбез Манаса постольку является памятником легендарного героя народного эпоса, поскольку все памятники далекого прошлого Киргизстана являются культурными сокровищами киргизского народа, история которого тысячелетиями развивалась среди гор Тянь-Шаня и культуры разных народов, его населявших в прошлом.

От этого не изменится ни ценность этого замечательного сооружения, ни отношение к нему людей, в чьей стране он стоит.

(*) Мавераннахр по-арабски „то, что за рекой“, т. е. мусульманские области между Аму и Сыр-Дарьей.

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

61

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956

А. Н. БЕРНШТАМ

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ МАВЗОЛЕЯ БАБАДЖИ ХАТУН

В 1938 г. А. Ю. Якубовский, будучи консультантом экспедиции по раскопкам древнего города Тараза (современный г. Джамбул) на р. Талас, которые проводил автор настоящей статьи, посетил находящиеся недалеко к западу от Тараза два мавзолея — Айша Биби и Бабаджи Хатун. А. Ю. Якубовский тогда же посоветовал детальнее заняться их обследованием, что и было сделано усилиями членов экспедиции. Результаты этих работ, к сожалению, еще не появились в печати. Настоящая статья освещает одну из частных проблем, связанных с исследованием происхождения мавзолея Бабаджи Хатун и тех культурных традиций, на основе которых он возник.

* * *

Открытие несторианских кладбищ в Чуйской долине в 1885—1886 гг. и последующие раскопки Н. Пантусова¹ дали большое количество несторианских надгробий в основном XIII—XIV вв. и среди них одно с армяно-сирийской надписью², найденное на так называемом Пишпекском кладбище (у г. Фрунзе). Текст надписи гласил о том, что здесь был погребен армянский епископ Иоанн, умерший в 772 г. армянской эры (1323 г. н. э.). Присутствие епископа в Семиречье свидетельствовало о том, что здесь была многолюдная армянская колония.

О наличии армян в Семиречье можно судить по Каталонской карте, где указан армянский монастырь св. Матфея на берегу оз. Иссык-Куль. В. В. Бартольд, считая указание Каталонской карты 1375 г. достоверным, сообщает: «На известной каталонской карте 1375 г. город Иссык-Куль (Issicol) отмечен на северном берегу озера и прибавлено, что в нем находится монастырь армянских братьев, где, по слухам, хранятся мощи св. апостола и евангелиста Матфея»³.

Помимо указанной надписи, исследователи видели армянские лексические и грамматические формы и в некоторых других (по изданию С. Служкого № 131 и 167)⁴. Одна из этих надписей относится к 1313 г. и другая — к 1288 г. н. э. Таким образом, семиреченские памятники свидетельствуют о пребывании здесь армян с 1288 по 1323 г. (или 1375 г.). Письменные же источники сообщают, что армяне в степях Средней Азии и Семи-

¹ См. А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Материалы и исслед. по истории киргизов и Киргизстана. Фрунзе, 1941, стр. 12 и сл.

² Надгробный камень из Семиречья с армяно-сирийской надписью 1323 г. ЗВОРАО, т. VIII, вып. III—IV, стр. 344—349.

³ В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. Зап. Академии Наук, СПб., 1897, VIII серия, т. I, вып. 4, стр. 60.

⁴ Семиреченские несторианские надписи. «Древности восточные». М., 1889.

речь появились, несомненно, раньше. Достаточно сослаться на Рубрука (1253 г.), который встретил армян (Нермені) у Волги, в стране Сартаха¹, армян-переводчиков в Семиречье у Койлыка², в ставке Менгу-хана, свободно исповедовавших свою веру³, причем количество их было немалым. Характерно, что Рубрук при описании исполнения обрядов христианской религии среди населения монгольского государства в Средней Азии часто отмечает армян. Рубрук встретил армян и далее, в Каракоруме (Монголия)⁴, что свидетельствует о широком распространении армянского населения в районах, занятых кочевниками. О взаимоотношениях армян с монгольскими владыками достаточно ясно повествуют армянские историки (Киракос Гандзакский, Вардан, Стефан Орбелиан, Конетабль Сембат, Инок Магакян).

Все указанное с несомненностью говорит о широком проникновении армян в Среднюю Азию и в Семиречье. Ограничено ли их проникновение только началом XIII в., т. е. временем монгольского завоевания. Очевидно, нет. И раньше, вместе с многочисленными последователями сирийско-манихейских сект, в Семиречье могли проникать армяне⁵. Напомним вторжение на Кавказ семиреченских тюрок VII в., когда армяне могли быть выведены в Среднюю Азию⁶, и более поздние свидетельства, например, отмечающие вхождение Хорезма в ту культурно-политическую общность, к которой были причастны и армяне⁷.

Количество фактов, свидетельствующих о связях Средней Азии с Закавказьем, несомненно, можно было бы увеличить. Связи эти, проявляющиеся главным образом в горных районах (Памир) и восходящие к глубокой древности, получили отражение и в архитектурных памятниках. Укажем на разительное сходство конструкций очага и потолка армянского жилища («ердик») и памирского «рузан», встреченных нами в Вахане (Памир) в 1947 г.⁸, или на совпадение плана ваханского города Сайгашень (ныне развалины Ямчун) с планом древнеармянской столицы Ани.

Особый интерес в этом смысле представляют постройки из камня на Памире и в припамирских районах, где до недавнего прошлого хотя и редко, но даже мавзолеи строились из камня. Имею в виду мавзолей, приписываемый киргизской женщине — предводительнице Курман джан Датха (1816—1906 гг.) в местности Ак-Киндык в Чон Алае. Общий план и конструкция этой постройки ничего общего не имеют с обычными типами киргизских мавзолеев⁹. Экстерьер здания напоминает скорее башни Сванетии и Дагестана, но не гумбазы Киргизии. На Тянь-Шане известна чуть ли не одна только каменная постройка — Таш-Рабат — явно местного происхождения¹⁰.

¹ В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 91.

² Там же, стр. 115. Развалины древнего города Койлыка под названием Дунгене находятся в 18 км к юго-востоку от г. Талды-Курган одноименной области Казахской ССР. См. А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области. Изв. АН Каз. ССР, серия археол., вып. 1. Алма-Ата, 1948.

³ В. де Рубрук. Указ. соч., стр. 137.

⁴ Там же, стр. 142.

⁵ В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. ЗВОРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1893.

⁶ М. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.

⁷ С. Толстов. Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI века. СЭ, 1946, № 2.

⁸ А. Н. Бернштам. Советская археология Средней Азии. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 14, 15.

⁹ См. А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии. М., 1950; ср. дополнение в нашей статье «Материалы по архитектуре киргизов и казахов», КСИЭ, X, 1950.

¹⁰ Описание и литература — А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии, стр. 109 и сл.; ср. интересную концепцию Г. А. Пугаченковой о происхождении Таш-рабата — Труды ИЯЛИ, вып. III, Фрунзе, 1952, стр. 213 и сл.

На юге Казахстана имеется недостроенное здание из камня — Акыр-Таш, по всей вероятности, домонгольского времени¹. До сих пор остается загадочным его происхождение, но очевидно, даже судя по плану, характеру отдельных конструкций и строительному материалу, оно не принадлежит к местной традиции строительного искусства. Наконец, отмечу редко встречающиеся казахстанские мавзолеи из камня в Казахстане, которые резко отличаются от припамирских и развивают местную строительную традицию².

Ближе к казахским мавзолеям, чем к памирским постройкам, каменные полусферические курганообразные сооружения Ферганы, так называемые «муг-хона»³, приписываемые местным населением огнепоклонникам — зороастрийцам.

Приведенные выше факты свидетельствуют о явных связях Средней Азии с Закавказьем, причем, предостерегая от излишних увлечений, укажу, что, конечно, не все постройки из камня следует выводить из технических традиций закавказских, в частности, армянских мастеров. Однако на основании исторических данных можно судить о том, что еще в домонгольский период Закавказье и Средняя Азия были тесно связаны между собой, и, в частности, эти связи получили, очевидно, свое первое сильное проявление еще в парфянский и кушано-эфталитский периоды.

Тем более несомненны исторические факты, твердо фиксирующие армянский этнический элемент в Средней Азии со времени монгольского завоевания (XIII в.). В этот период в Средней Азии, особенно в Хорезме, отмечается широкое развитие строительства шатрово-купольных мавзолеев. К числу таких сооружений и относится интересующий нас мавзолей Бабаджи Хатун (рис. 21). Он расположен в 18 км к юго-западу от г. Джамбула (Казахстан) в селении Головачевском и, как указывалось, обследован нами в 1938—1939 гг.

Мавзолей Бабаджи Хатун сохранился значительно лучше, чем стоящий рядом с ним мавзолей Айша Биби, более широко известный в литературе⁴.

Большинство авторов, упоминающих мазар Айша Биби, ничего не говорит об интересующем нас сооружении⁵. Мавзолей Айша Биби внешне, несомненно, более эффектен. Однако целый ряд деталей в архитектуре мавзолея Бабаджи Хатун ставит его в число весьма интересных и ценных памятников средневековой архитектуры Средней Азии. Это здание подкубической формы (6,9 × 6,9 × 5,0 м) с массивными стенами (1,23 м) из обожженного кирпича (24 × 24 × 5 см), с тремя одинаковыми (главный и боковые) и одним глухим (задним), без декора, фасадом. Зонтичный, шестнадцатиреберный «купол» на таком же барабане венчал здание (рис. 22). Украшение стен сделано фигурной кладкой кирпича. Посредине главного фасада в щипцовой стене, обращенной на восток, помещена стрельчатая округлая арка (как и все арки этого мавзолея); в ней находится

¹ Г. И. Пацевич. Акыр-Таш. Вестник АН КазССР, 1949, № 4 (49), стр. 109 и сл.

² А. Х. Маргулан. Архитектурные памятники района рек Кенгир и Сары-Су. КСИИМК, XXVIII, 1949, ср. рис. 2; его же. Архитектурные памятники в долине р. Кенгир. Вестник АН СССР, 1947, № 11 (32); ср. Т. К. Басенов. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата, 1947.

³ ПТКЛА, III, Ташкент, 1898.

⁴ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 59.

⁵ Исключение составляет опубликованная В. В. Бартольдом я «Отчете о поездке в Среднюю Азию 1893—1894 гг.» (ЗАН, т. 1, № 4, 1897) фотография этого памятника, названного так же, как и соседний, Айшабу. Ср. А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 59; его же. Труды Семиреченской археологической экспедиции за 1936—1938 гг. Таласская долина. Алма-Ата, 1950. Частичное издание наших материалов (без указания автора обследования) по копиям, хранящимся в Алма-Ате, см. Т. К. Басенов. Указ. соч., табл. 3—5.

вход в мавзолей. В обвалившейся ее части, заделанной саманом, вставлена теперь простая дверь в деревянной коробке.

По сторонам входной ниши ($1,83 \times 0,75 \times 3,65$ м) стены разделены узкими, высокими и неглубокими стрельчатыми декоративными нишами

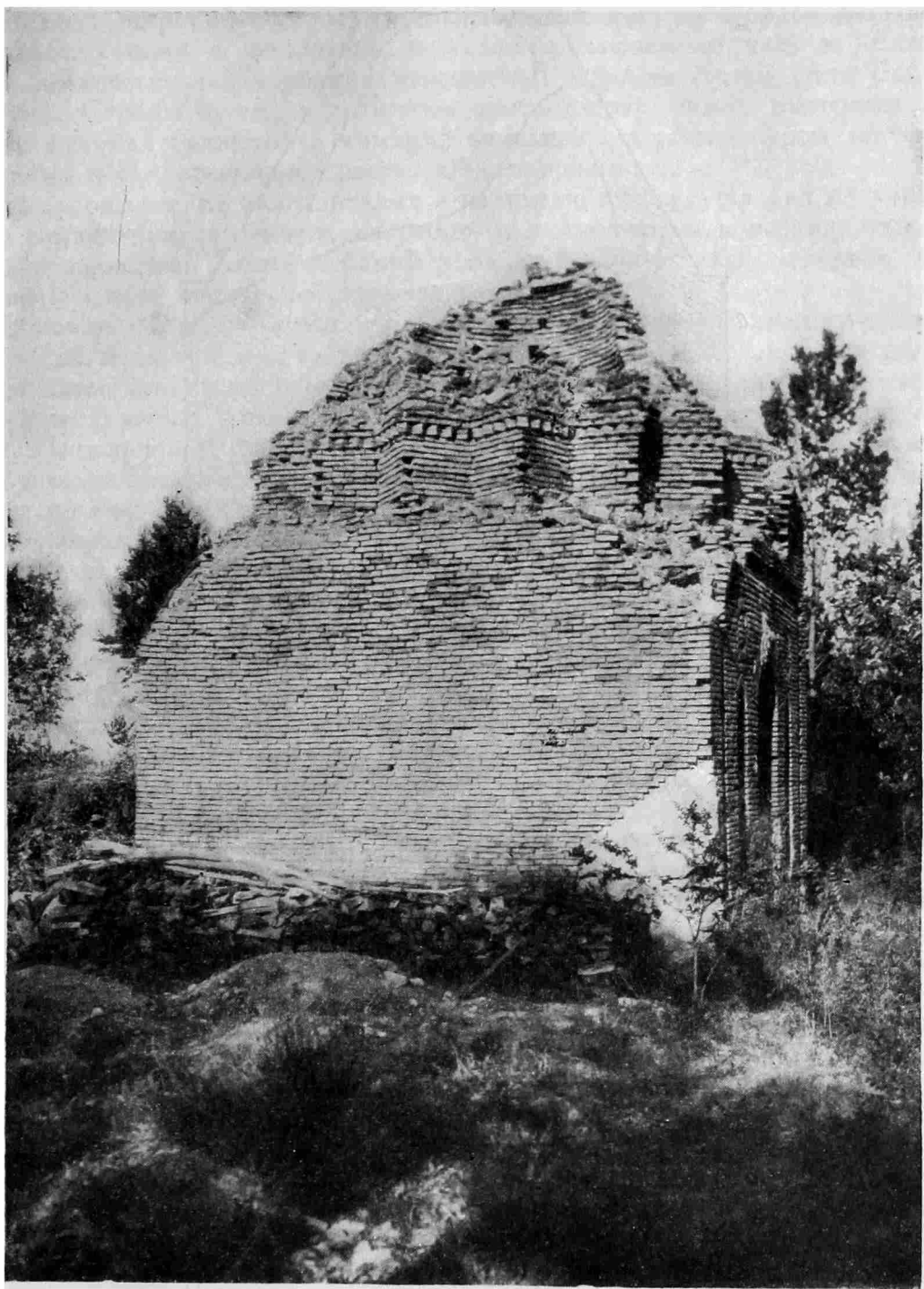

Рис. 21. Мавзолей Бабаджи Хатун. Вид с запада.

($0,50 \times 0,12 \times 2,10$ м), не достигающими до земли. По вертикальной оси ниш, над ними, в кладку стены вделаны медальоны в виде круга из половинчатых кирпичей, оконтуренных с внутренней стороны узким желобком.

Декоративные ниши с медальонами заключены в рамку в виде буквы П из прямоугольного в разрезе желобка, сделанного в кладке стены и достигающего внизу до уровня подоконников декоративных ниш (0,96 м

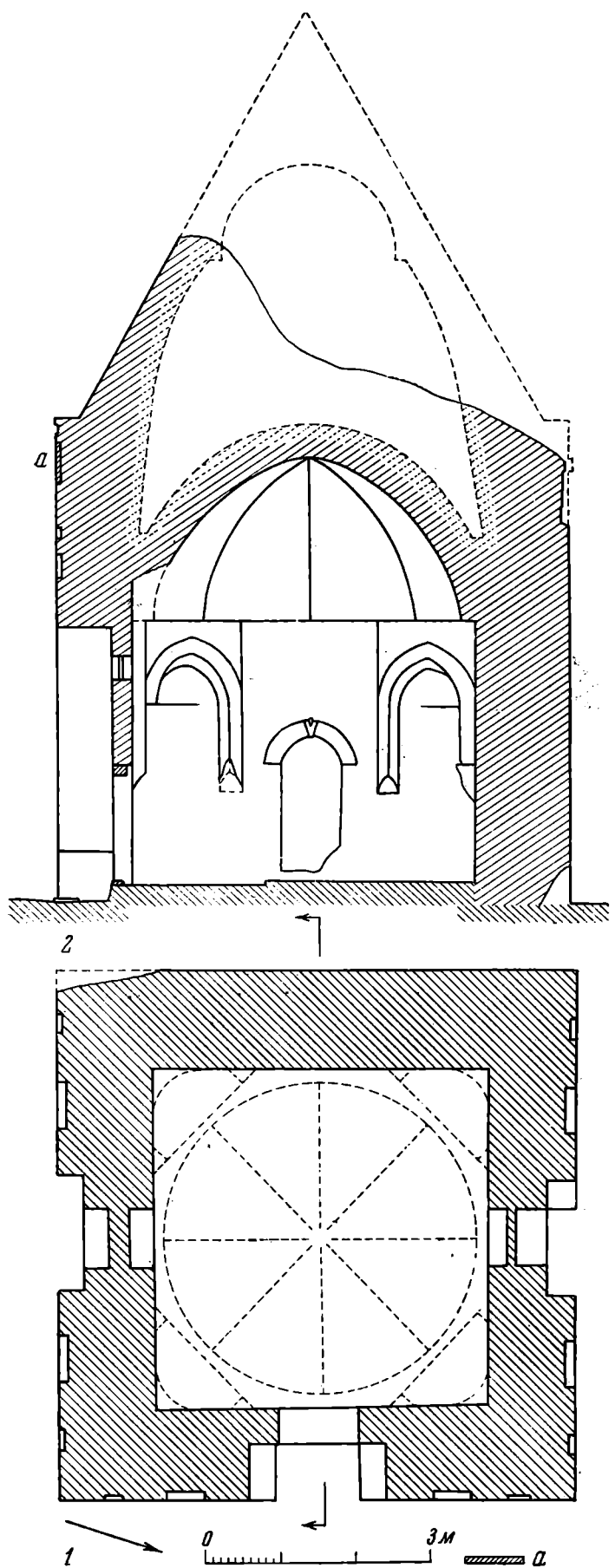

Рис. 22. Мавзолей Бабаджи Хатун. План (1) и разрез (2).
 а — ниши с арабской надписью.

от земли). Над рамкой проходит зубчатая горизонтальная полоса. Зубцы образованы сдвоенными и положенными плашмя кирпичиками, повернутыми углом кнаружи. Этой полосой заканчивается кладка стен. На боковых и задней стенах начинается барабан купола, а на главном фасаде стена приподнята, образуя парапет, закрывающий барабан. В верхней части парапета помещается широкий (0,56 м) горизонтальный пояс из 2 рядов неполивных изразцовых плит с надписью, исполненной почерком насх и гласящей: «Эта величественная гробница называемой Абаджи Хатун (или Бабаджи Хатун). Строитель ее...»¹. Пустые места сверху между высокими арабскими буквами (алифами и лямами) заполнены тонким ажуром ленточного плетения и стилизованного растительного орнамента.

Непосредственно над плитками с надписью помещается ряд из кирпичиков, широко расставленных, на ребро, и заключенных в верхних два ряда кладки парапета. Левый верхний угол стены обвалился, оборвав конец надписи и край венчающей орнаментальной полосы.

Боковые фасады — северный и южный — совершенно аналогичны главному (за исключением приподнятой части стены). Только центральные ниши здесь меньше и ниже и обрамляющие их узкие наличники более декоративны. В нишах размещены невысокие оконные проемы (шириной 0,77 и 0,74 м); хорошо сохранились их стрельчатые арки, но низкие подоконники не уцелели. Теперь окна заложены наглухо и внутреннее помещение мазара почти полностью лишено дневного света.

По верху барабана (высота его 0,90—0,95 м), обращенного четырьмя ребрами на каждую сторону здания, проложена зубчатая полоса из спаренных и повернутых углом наружу кирпичей, аналогичная такой же у основания барабана поверх стен. От наружного покрытия купола уцелело очень мало — всего лишь пять ребер со стороны главного фасада, и то не на полную высоту.

Внутренний купол был облицован положенным плашмя квадратным кирпичом такого же размера, как и в кладке здания. Ребра облицовки купола треугольные в сечении, причем каждое из них опирается на соответствующее ему по форме ребро барабана.

Как видно по сохранившимся участкам, облицовка купола поддерживалась изнутри полусферическим куполом, выведенным кольцевой кладкой. Последний, насколько можно судить по остаткам небольшого уступа, сужался в верхней части. Высота купола неизвестна, но, судя по углу наклона сохранившихся ребер, он был очень высокий, лишь незначительно меньше высоты кубической основы здания.

Квадратное помещение мазара (4,45 × 4,45 м) с земляным полом не сохранило никакой внутренней отделки, кроме простой оштукатурки, которая теперь видна лишь на полусферическом ребристом своде и отдельными участками на стенах. Внутренний свод, выложенный горизонтальной кольцевой кладкой, покоится на восьмиграннике, поддерживаемом четырьмя угловыми tromпами со стрельчатыми арками на полуциркульных полусводах и спускающимися вниз от арки призматическими тягами — кронштейнами. Стрельчатые арки оконных проемов с клиновидным замком дополняют немногочисленные детали внутреннего убранства мавзолея. Никаких следов надгробия в помещении уже не сохранилось.

---

¹ Надпись прочтена старшим научным сотрудником ИИМК А. М. Беленицким. Часть изразцов с надписями вставлена теперь на внутренней стороне стены соседнего мавзолея Айша Биби. На одном из них читается имя «Ильханшах». См. статью А. М. Беленицкого в сб. «Эпиграфика Востока», вып. II, 1948, стр. 16 и сл. По сведениям М. Е. Массона, на одной из старых фотографий мавзолея читалось начало имени строителя — «Мухаммад сын...». Ныне эта часть надписи не сохранилась. Ср. М. Е. Массон. Время и история сооружения «Гумбеза Манаса». Эпиграфика Востока, III, 1949, стр. 28 и сл.

Заканчивая краткое описание мавзолея Бабаджи Хатун, перечислим его основные черты:

1. Фасады мавзолея украшены декоративными нишами и фигурной кладкой кирпича, в которой основную роль играют зубчатые полосы из спаренных кирпичиков. Этот архитектурный прием характерен для памятников саманидского¹ и раннекараханидского времени² и исчезает в XII в., вытесненный вошедшим в моду и получившим широкое применение в монументальной архитектуре резным неполированным изразцом.

2. Здание не имеет собственно портала, и главный фасад отличается от боковых только нарощенным парапетом. Отсутствие разделки задней стены можно объяснить некоторым провинциализмом, скупостью украшений, которую мы наблюдаем во всем мавзолее.

Таким образом, этот мавзолей по типу ближе к ранним центрическим памятникам саманидской архитектуры, чем к мавзолеям (с порталами) караханидского времени.

3. Зонтичное, ребристое покрытие купола не имеет по существу прямых аналогий в современной ему среднеазиатской архитектуре; среднеазиатским сооружениям того времени совершенно не свойственна такая форма купола. Родственным по форме, но более поздним памятником является мавзолей Фахр-ад-дин-Рази и отчасти мавзолей Шейх Шерефа в Ургенче³; аналогичен и мавзолей Кисене в 40 км от г. Троицка Верхнеуральского уезда (ныне Челябинской области)⁴.

Родина архитектурных памятников с таким перекрытием — Закавказье, где среди немногочисленных сооружений, относимых к раннему средневековью, есть здания с граненым, коническим покрытием купола на таком же барабане, например церковь св. Рипсимэ (VII в.) в Вагаршапате (Армения). В последующие века эта форма прочно входит в архитектуру, получает дальнейшее развитие и ряд видоизменений.

В памятниках XI в. мы наблюдаем «зонтичные», ребристые «купола» с призматическими ребрами такой же формы, как купол Бабаджи Хатун, например церковь Мармашен в Галиндже и церковь в Анберде (Армения); к XII—XIII вв. относится уже целый ряд сооружений с таким перекрытием: церкви в Ани, церковь Бахтогеи XII—XIII вв. и Текорский храм, церковь в Караванк XIII в., в Зарзме (Грузия), монастырь Хнджонк в Бешкилисе и др. В этот же период в «мусульманской» архитектуре на Кавказе, а главным образом в Иране, получают широкое распространение башенные мавзолеи с коническими круглыми и гранеными куполами на разных основаниях — граненых, круглых, квадратных с многогранным барабаном и др. Укажем на некоторые памятники: мавзолеи

¹ Мавзолей Саманидов в г. Бухаре см. Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры в Средней Азии. «Вопросы реставрации», вып. I, М., 1926; Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940.

² Рабат-и-Малик у Бухары см. Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. «Вопросы реставрации», вып. II, М., 1928; И. И. Умняков. Рабат-и-Малик. Сб. «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927.

³ А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. ИГАИМК, т. VI, Л., 1930. Ср. Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940, стр. 66. Б. В. Веймарн утверждает: «Нельзя согласиться с мнением А. Ю. Якубовского, высказанным в его исследовании «Развалины Ургенча», что мавзолей Шейх-Шереф стоит особняком». Хотя мавзолей Бабаджи Хатун и может быть причислен к этой группе памятников в Средней Азии и тем самым увеличивает их число, однако высказанное А. Ю. Якубовским мнение, с нашей точки зрения, правильно, так как здания этого типа в Средней Азии все же единичны.

⁴ И. А. Кастанье. Надгробные сооружения киргизских степей. Оренбург, 1911. Автор публикует фотографию этого мавзолея, очень сходного с мавзолеем Фахр-ад-дин-Рази, а в деталях — с мавзолеем Бабаджи Хатун; например, здесь та же разделка стен здания: нижняя часть фасада украшена такой же, как на Бабаджи Хатун, прямоугольной рамкой из неширокого желобка, ооконтуривающей стенку с входной нишей в центре.

XII в. в г. Нахичевани — Мумине Хатун, Юсуф ибн Кутейич, мавзолей в Бостане. Особенно следует отметить среди многочисленных памятников такого типа (как наиболее близких разбираемому нами) мавзолей Насир-ал-Халка в Амоле (XII в.), Мухаммед султана Рица в Зари, мавзолей в Верамине (XII—XIII вв.) и пр.¹

Происхождению памятников, аналогичных Бабаджи Хатун, посвящены специальные работы Г. А. Пугаченковой².

Г. А. Пугаченкова ищет объяснения этим конструкциям не в прямом подражании шатрам и кибиткам, а в «переходных» погребальных сооружениях и культовых предметах — оссуариях и курганах кочевников, причем оссуарии, по ее мнению, воспроизводят курганное захоронение кочевника³. Не останавливаясь на разборе последнего частного тезиса автора, — с нашей точки зрения, весьма спорного (вне связи с зороастрийцами-согдийцами происхождение оссуариев не объяснить)⁴, — общую мысль о связях основного принципа шатровых мавзолеев с погребальными сооружениями кочевников мы считаем весьма плодотворной и правдоподобной. Автор, однако, не отрицает возможности того, что «если примитивные каменные или глинобитные мавзолеи строились местными мастерами, то на возведение кирпичных, по крайней мере на первых стадиях внедрения этого материала в монументальное строительство, привлекались квалифицированные кадры из южных областей»⁵.

По нашему мнению, окончательное конструктивное оформление этого архитектурного типа следует связывать с опытом армянских зодчих, получивших в районах, связанных с кочевниками, больший простор для применения своих талантов, чем в оседлых оазисах, как, например, в Согде — Мавераннахре и Хорезме, где была весьма устойчива собственная строительная традиция. В синтетической форме мавзолеев, выработанной в степях Средней Азии, нашли удачное сочетание вкусы и требования кочевой знати с опытом старинных зодчих Мавераннахра и Закавказья. С владычеством сельджукского и караханидского государств шатровые мавзолеи и зонтичные купола получают более широкое распространение.

Влияние архитектурной и конструктивной традиций Закавказья явно сказывается на архитектуре мавзолеев Средней Азии, в том числе и мазара Бабаджи Хатун, где так хорошо разрешена проблема соединения верхней ребристой части здания с нижней кубической. В этом сооружении барабан (так же как и низ купола) по ширине равен кубическому основанию, что придает архитектуре мавзолея цельный, монолитный облик, чего нельзя сказать, например, о названных выше ургенчских мавзолеех, где чувствуется некоторая непропорциональность частей здания; возможно, впрочем, что внешний вид сооружений первоначально был несколько иным, и для восстановления его нужны тщательные раскопки⁶.

К приведенному анализу основных черт мавзолея Бабаджи Хатун нужно добавить следующее: сооружение это не является ни порталным

¹ Воспроизведение этого типа купольных покрытий см. Н. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, табл. 10, 12, 21, 26, 27, 44, 48, 52, 58, 70, 76, 78 и др.; сб. «Памятники архитектуры Азербайджана». Москва—Баку, 1946, табл. 7, 11, 29, 31; E. Diez. Churasanische Baudenkmäler. Bd. I, Berlin, 1918, табл. 1, 2, 4, 6, 7. Публикация иранских мавзолеев повторена в «Survey of the Persian art».

² К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хоросана см. Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949.

³ Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 61.

⁴ Напомню находки в Пянджикенте овальных оссуариев в обычных наусах. Ср. статью А. Ю. Якубовского в Сообщениях АН ТаджССР, вып. 20, 1949.

⁵ Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 66.

⁶ Проведенные нами раскопки среднего мавзолея в 1945 г. показали, что строительный мусор и последующие накопления скрывают значительную часть первоначального «тела» здания. Мавзолей имел гораздо более вытянутые пропорции. См. нашу работу «Памятники архитектуры Киргизии», стр. 51. Раскопки вел Н. М. Бачинский.

зданием, ни памятником, для архитектуры которого характерна облицовка из неполивных резных терракот (основные черты развитой караханидской архитектуры XII в. и начала XIII в.)¹; однако в мавзолее Бабаджи Хатун мы видим зарождение обоих этих элементов — появление парапета и резных плиток с надписью, украшенных на свободных местах растительным орнаментом и плетением.

Все изложенное выше, с нашей точки зрения, говорит за то, что мавзолей Бабаджи Хатун вряд ли строился в период развитой архитектуры караханидского времени XII в. Его постройку, следует отнести к XI в. Кроме того, надпись на мавзолее, как полагает А. М. Беленицкий, принадлежит к ранним вариантам, исполненным почерком насх, который встречается на памятниках, относящихся к самому началу появления надписей в архитектуре в Средней Азии. Для памятников такого типа, как ургенчские мавзолеи, характерно уже куфи, позднее «цветущее» куфи². Форма же купола, получившая в Иране и на Кавказе наибольшее развитие в XI—XIII вв., не является, с нашей точки зрения, датирующим элементом, так как встречается и раньше, и позже этого времени.

Чрезвычайно важен самый факт появления в Семиречье памятника с элементами явно западного или юго-западного влияния, которое могло быть занесено сюда средневековыми христианами — несторианами. Как указывалось выше, о существовании несторианских общин в Семиречье с давних пор известно из персоязычных и арабоязычных письменных источников. Есть сведения, что этими общинами возводились монументальные постройки. При взятии г. Тараза Исмаилом ибн Ахмедом в 893/894 г. «... большую церковь обратили при этом в соборную мечеть»³.

Уже в упомянутой работе о памятниках Таласа мы писали, что целый ряд конструктивных и стилистических элементов «заставляет видеть в мазаре Бабаджи Хатун не только более ранний памятник (чем Айша Биби. — А. Б.), но и иные вообще традиции и приемы. Создается впечатление, что аналогии этому памятнику можно скорее всего найти среди армянской архитектуры примерно X—XII вв. По всей вероятности, этот мазар и относится к указанной эпохе и связан с мастерами далекого от Средней Азии происхождения»⁴.

Однако мазар Бабаджи Хатун не одинок. Последние работы над изучением мавзолея Манаса (Г. А. Пугаченковой и М. Е. Массона в 1945 г.) подтвердили наши догадки о шатровом характере купольного перекрытия мавзолея⁵. Памятники нами были впервые передатированы: вместо укоренившейся даты — XII в. мы предложили XIV в., может быть, начало XV в.⁶ М. Е. Массон уточнил дату первой трети XIV в. Мавзолей Манаса, таким образом, входит в круг сходных памятников этого времени из Хорезма.

Учитывая даты и своеобразный характер этих памятников архитектуры, не связанных с предшествующей строительной традицией Средней Азии (исключая декор), мы полагаем весьма вероятным приобщить эту традицию к одному из многочисленных культурных воздействий на Семиречье, а именно к армянскому.

¹ Исключением является беспортальный мавзолей XII в. Султана Санджара в Старом Мерве.

² В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. Эпиграфика Востока, III, 1949, стр. 22.

³ Нершахи. История Бухары. Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 108.

⁴ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 59.

⁵ А. Н. Бернштам. Мазар Манаса. Фрунзе, 1946. В этой научно-популярной брошюре мы лишь отметили, что мавзолей имел внешний, не сохранившийся купол (стр. 4). В полном отчете, к сожалению, еще не появившемся в печати, мы свою догадку формулировали еще в 1940 г. См. Г. А. Пугаченкова. О народной традиции в орнаментации «Гумбеза Манаса». Труды ИЯЛИ, вып. II, Фрунзе, 1949, стр. 141—143.

⁶ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

Приведенные выше данные свидетельствуют о проникновении армянской ремесленной среды в Семиречье. Несомненно также существование здесь колоний, о чем повествует надпись Пишпекского кладбища. Если учесть, что несториане (и среди них армяне) были в Семиречье с XII в. (древнейшая несторианская надпись кладбища 1205 г.), а проникновение несториан возможно в V—VI вв.¹, то нет ничего невероятного в том, чтобы видеть армянское влияние в постройке Бабаджи Хатун XI в. или тем более в мавзолее Манаса XIV в. Конечно, предложенное — это лишь рабочая гипотеза на путях к истинному познанию обмена культурными ценностями в далеком прошлом между народами нашей страны.

— — — — —

---

¹ Ср. древнейшую сирийскую надпись Семиречья, найденную нами в Таразе и прочитанную покойным А. Я. Борисовым, — А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 21; ср. «Наука и жизнь», 1939, № 7; КСИИМК, I, 31—32. Полная публикация — А. Я. Борисов. Сирийская надпись на сосуде из Тараза. Изв. АН КазССР, сер. археол., вып. 1, стр. 105 и сл.; А. Н. Бернштам. Новые эпиграфические находки из Семиречья. Эпиграфика Востока, II, 1948, стр. 107, рис. 1.